

20. The Mummers' Act; or, Morris Dancers' Annual Play of St. George. – Sheffield: J.Pearce & Son, 1840 [electronic resource]. – Access mode: <http://www.folkplay.info/Texts/84sk38pj.htm>

21. The Peace Egg / ed. W.Walker. – London & Otley: William Walker and Sons, 1840-1877 [electronic resource] – access: <http://www.folkplay.info/Texts/84se24ww.htm>.

22. Tiddy R. J. E. The Mummers' Play / R.J.E.Tiddy. – Oxford: Clarendon Press, 1923. – 258 p.

ПРАГМАТИКА БИОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

И.В. Чекулай,

доктор филологических наук, профессор,

О.Н. Прохорова,

доктор филологических наук, профессор

ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», Белгород, Россия

Настоящая статья посвящена исследованию прагматических аспектов функционирования слов, передающих названия животных (зоонимов) в современных русском и английском языках. Обнаружено, что прагматическая емкость зоонимов обусловлена их аксиологической сущностью. В большинстве случаев зоонимические номинации реализуются в механизме метафорического переосмысления. Обнаружены как изоморфичные, так и дифференциальные характеристики исследуемых единиц в сравниваемых языках.

Ключевые слова: зооним, метафора, ценность, оценка, категоризация, семантическая оппозиция.

The present article is devoted to investigation of pragmatic aspects of the words nominating animals (zoonyms) functioning in modern Russian and English. It has been discovered that the pragmatic capacity of zoonyms is determined by their axiological essence. In most cases zoonymic nominations are realized within the mechanism of metaphorical transformation. Both isomorphic and differential characteristic features of the units investigated in both languages have been discovered.

Keywords: zoonym, metaphor, value, evaluation, categorization, semantic opposition.

В лингвистике тематика зоонимов издавна занимает одно из ведущих мест в исследованиях семантических и номинативных потенциалов языковых единиц, основных моделей метафорических переносов и тем самым – важных проблем исследования стилистических ресурсов языковой системы для более образной и ёмкой передачи мыслей, чувств и эмоций. На наш взгляд, исследовательский потенциал для изучения названного феномена имеется в

рамках когнитивной лингвистики, одним из аспектов которой является изучение ментальных структур знания.

Концепты представляют собой структурированные представления о процессах, феноменах и предметах объективного мира и нашего сознания, а их группировка по характерным признакам и свойствам, определяемых во многом языковой картиной мира в пределах определённого языкового социума, объединённого культурными, историческими, политическими и прочими долговременными связями социального плана, т.е. возведение их в ранг определённой понятийной или структурной семантической категории, является категоризацией. Постоянное взаимодействие процессов концептуализации и категоризации обеспечивает стройность языкового мышления и языковой системы, позволяющей организовать стройность общения людей и передачу информации от одного носителя языка к другому.

Важное место в этом синтезе занимает номинация объектов действительности и сознания при помощи языкового обозначения одних явлений знаковой формой, связываемой в сознании с объектами иного рода. Именно в этой сфере наиболее часто ведущим процессом такого переструктурирования является метафора, процесс, о котором Дж.Лакофф и М.Джонсон заявили, может быть, и с некоторой долей преувеличения, но вполне обоснованно, что люди живут этим процессом [1]. Зоометафора, которая и является предметом настоящей статьи, является одной из наиболее фундаментальных моделей передачи многообразия мыслей, чувств и эмоций, позволяющего наиболее эффективно передать ту информацию, поделиться которой с другим человеком он считает важным.

Зоометафора представляет собой процесс наименования объекта и предмета области-мишени именем какого-либо животного из области-источника. Тем самым область-источник представлена различными зоонимами, которые с научной точки зрения можно разделить на орнитонимы (наименования птиц), энтомонимы (наименования насекомых), ихтионимы (наименования рыб) и прочие классы, соответствующие биологической классификации живых видов по К.Линнею. Но наряду с научным мышлением в повседневной коммуникации важным источником структурирования концептов является и сознание обыденное, повседневное, существующее в настоящем, но сформированное в ходе сложного развития национальной культуры и тем самым определённых ассоциативных связей в сознании языкового социума, отражаемых в его языковой картине мира. Здесь воедино могут связываться номинации из разных классов научно-биологической картины мира.

Возникает вопрос: чем обусловлено такое несовпадение этих разных структур мышления на основе, казалось бы, одного и того же языкового материала? Ответ представляется аксиоматичным: это обусловлено коммуникативными, а точнее говоря, дискурсивными характеристиками. Люди ассоциируют одни и те же или похожие представления о явлениях мира реальности и мышления с различными сферами существования мира, связывают их воедино и отражают эту связь в различных единицах языка,

прежде всего, в лексических и фразеологических единицах, для характеристики одной и той же сущности или отношения. Если дело касается одного и того же предмета, мы чаще встречаем случаи абсолютной синонимии, типа *бегемот* и *гиппопотам* в русском языке или же языковые единицы для обозначения одного и того же явления в различных сферах общения, иначе говоря, стилистические синонимы типа *marijuana* и *grass* в английском языке. В случае же признаков, характеристик или абстрактных отношений чаще всего мы имеем дело с идеографическими синонимами. Именно такие случаи идеографической синонимии мы можем наблюдать в использованиях номинаций животных различных типов и классов для выражения оценочной квалификации и наделения вещей внешнего мира, и в первую очередь, людей, их внешности, признаков внешнего поведения и поступков, определённым квалификативным содержанием в различных языках. Мы хотели бы показать данные феномены на материале современных русского и английского языков и увидеть, насколько контрастивны семантические их черты в сфере использовании зоонимии, могут ли описываемые явления хотя бы потенциально претендовать на статус универсальных и т.п.

Прежде всего, анализ материала показывает, что в них можно проследить достаточно чётко такую категоризационную семантическую оппозицию, как «домашние :: дикие животные». Это вполне объяснимо, поскольку люди достаточно чётко проводят квалификацию различных сфер жизни, в том числе и в отношении животного мира, по линии «свой-чужой». Внимание на данный когнитивный феномен неоднократно обращалось в работах по языковой семантике (например, В.В.Красных [2], Ю.С.Степанов [3: 126], И.В.Чекулай [4: 269-271] и другие).

«Набор» домашних животных и в английском, и в русском языках для номинации характеристик людей и их поступков достаточно стандартен. Это, прежде всего, такие прототипические животные, как *собака/dog*, *кошка/cat*, *корова/cow*, *лошадь/horse*, *тёленок/calf*, *курица/hen* и другие. Однако в условиях реального дискурса, особенно для реализации целей речевой характеристики, их употребление показывает особенности осмысления данных лексических единиц в этих языках.

Возьмём, например, лексемы *собака/dog*, а также различные гендерные номинации этого понятия. В русском языке чаще всего это слово ассоциируется с человеком в контексте его отрицательной характеристики, например:

- Он у них в кучерах, - вступился Давыдка.

- С панского стола объедки схватывает.

- Ты, Валет, как ценной кобель, любого обрешешь (М.А.Шолохов. Тихий Дон, кн. 1).

- Иван, остался бы ты, - попросила хозяйка. - В лесу сторожку знаю, ни одна собака туда не заглянет (В.Д.Успенский. Неизвестные солдаты).

- Вяжи-вяжи, дура, а он замест благодарности морду тебе набьет.

- За что?

- За здорово живешь - я Гришку знаю, друзьяки с ним. Это такой кобель - укусит и не скажет за что.

- *Постойте, станичники!..*

- *Куцый кобель тебе станишник!* (М.А.Шолохов. Тихий Дон, кн.1)

Однако в русском языке отмечаются такие нюансы употребления этих лексем, которые отсутствуют в английском языке. В частности, это относится к лексеме *кобель* в обозначении разнузданного сексуального поведения человека. В английском языке гендерное обозначение самца собаки является несколько условным (*he-dog*) и в данном значении практически не используется. В то же время в русском языке мы находим многочисленные примеры этого явления в дискурсе, в частности:

- *Куда ты пой-де-ошь?* - застонала Ильинична, хватая Григория за руку, но он с силой оттолкнул мать и на лету подхватил упавшую с кровати папаху.

- *Нехай идет, кобелина поблудный! Нехай, будь он проклят! Иди, иди, ступай!..* - гремел старик, настезжь распахивая двери (М.А.Шолохов. Тихий Дон, кн.1).

Потемкин переслал ей через Елагина записку: у тебя, матушка, перебивало уже пятнадцать кобелей, а мне честь дороже, и шестнадцатым быть никак не желаю (В.С.Пикуль. Фаворит, кн.2).

В то же время лексемы *сука/bitch* достаточно гомогенны в своих дискурсивно-оценочных характеристиках в обоих языках и используются преимущественно для обозначения женщины лёгкого поведения. Представляется достаточно иллюстративным следующий пример из «Тихого Дона», где данное слово представляется в известной поговорке как антитеза слову *кобель*:

Аксинья злобно рванула ворот кофты. На вывалившихся розоватых, девически крепких грудях вишнево-синие частые подтеки.

- *Не знаешь чего?.. Бьет каждый день!.. Кровь высасывает!.. И ты тоже хорош... Напаскудил, как кобель, и в сторону... Все вы... - Дрожжащими пальцами застегивала кнопки и испуганно - не обиделся ли - глядела на отвернувшегося Григория.*

- *Виноватого ищешь?* - перекусывая травяную былку, протянул он.

Спокойный голос его обжег Аксинью.

- *Аль ты не виноват?* - крикнула запальчиво.

- *Сучка не захочет - кобель не вскочит.*

Аксинья закрыла лицо ладонями. Крепким, рассчитанным ударом упала обида.

В то же время и в русском, и в английском языке часто в сниженном стилистическом регистре встречается словосочетание, имеющее одинаковые семантические и дискурсивно-прагматические характеристики и использующиеся просто для отрицательной характеристики человека с акцентом на то, что его мать была сукой не в смысле её сексуального поведения, а просто как животное достаточно грязное, раболепно заискивающее перед человеком, способное есть объедки - иными словами, как средоточие низменных человеческих характеристик. В этом смысле человек предстает как сын собаки – шенок/puppy. Это словосочетания *сукин сын/son of a bitch*. В следующем примере:

- *Наговоры, - глухо, как из воды, буркнул Григорий и прямо в синеватую переносицу поглядел отцу.*

- *Ты помалкивай.*

- *Мало что люди гутарют...*

- *Цыц, сукин сын!* (М.А.Шолохов. Тихий Дон, кн. 1)

Пантелей Пркофьевич едва ли хочет сказать, что его собственный сын зачат ним же от собаки, а просто хочет проявить свой отцовский авторитет и заставить сына замолчать и не пререкаться.

Интересным представляется тот факт, что в русском языке отмечается определённая вариативность данной в принципе устойчивой единицы при отсутствии такой вариативности в английском языке. Данная вариативность проявится в том, что лексема *сын* может заменяться как зоонимом *кот*, так и другими лексемами, преимущественно выражающими отрицательное оценочное отношение, в частности:

Чарнота: *Смерть видел вот так близко, как твою косынку. Я как поехал в штаб к Крапчикову, а он меня, сукин кот, в винт посадил играть... малый в червах... и - на тебе - пулеметы! Буденный - на тебе - с небес!* (М.А.Булгаков. Бег).

- *Пантелей Прокофич, сын у тебя!..*

- *Голова у него золотая! Мозговит, сукин кот* (М.А.Шолохов. Тихий Дон, кн. 2).

Вариативность данной фразеологической единицы является очевидной и в комбинации с другой «звериной номинацией», в частности:

- *Ты чего кулачья сучишь, волчий блуд? Ты чего, спрашиваю, кулачья сучишь?! - загремел, наезжая на него конем, вахмистр, начальник конвоя* (М.А.Шолохов. Тихий Дон, кн.3).

В целом лексема *волк/wolf* также часто выступает средством дискурсивной характеристики человека, но о ней мы скажем выше, поскольку оценочные «собачьи» ресурсы ещё не исчерпаны до конца, особенно в русском языке. Вкратце отметим лишь наиболее характерные когнитивно-дискурсивные сферы использования данных лексем:

- ловкий как собака

е.г. Круглая голова казака припала к конской шее. Он, как на скачках, повел коня бешеным наметом, у высокого забора поднял его на дыбы и ловко перемахнул на ту сторону.

.....

- А ловкач энтот...

- Ишь махнул через забор, *как борзой кобель!* (М.А.Шолохов. Тихий Дон, кн. 1);

- грязный как собака

е.г. - Наш-то полк идет более или менее организованно, и все встречные-поперечные норовят к нам прислониться. Обозов нацеплялось *столько, сколько у шелудивой собаки реньев* в шерсти. И пушкари, и беженцы, и окруженцы. Табор цыганский (В.Д.Успенский. Неизвестные солдаты).

- неприхотливый как собака:

е.г. Григорий зажгел лампу, - увидел на побуревшем лице его кровь и огнестрельную царапину выше лба.

- Кто это тебя?.. Перевязать? Я зараз... погоди, вот бинт найду, - вскочил с кровати, разыскал марлю и бинт.

- Загоится, как на собаке, - урчал Христоня. - Это меня, стал быть, воинский начальник скобленул с нагана (М.А.Шолохов. Тихий Дон, кн. 2).

Таким образом, широкое варьирование лексических единиц, передающих названия определённых пород и видов животных, является не только сильным стилистическим приёмом, но и одним из основных средств достижения прагматического эффекта в различных видах дискурса независимо от его стилистической принадлежности. Несомненно, в узусе использования они наиболее характерны для разговорного стиля, но в силу их особых прагматических характеристик они часто встречаются в авторском использовании в художественной литературе и ряде жанров публицистического функционального стиля.

Литература

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2003. – 276 p.

2. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М. : Гнозис, 2003. – 375 с

3. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академ. Проект, 2001. – 990 с.

4. Чекулай И.В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка: Дис. ... д-ра филол. наук, 10.02.04. – Белгород, 2006. – 473 с.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАК ОДНА ИЗ РЕЧЕВЫХ ИННОВАЦИЙ В ДИНАМИКЕ КАУЗАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Н.В. Черникова,

аспирант, Киевский национальный лингвистический университет,
Киев, Украина

В данной статье конструкции дискурсивного присоединения рассматриваются в когнитивном, семантическом и прагматическом плане в общем контексте каузации высказывания.

Ключевые слова: каузация высказывания, коммуникативное присоединение, речевая инновация, рече-языковой акт.

The given article covers constructions of discourse addition in cognitive, semantic and pragmatic aspect in overall context of causation of utterance.

Key words: causation of utterance, communicative addition, speech innovation, speech-linguistic act.

Комплексный поход к исследованию коммуникативного присоединения